

Елфимов В.А.

Религиозный смысл болезней

Вадим Анатольевич Елфимов

Религиозный смысл болезней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43265816

SelfPub; 2019

Аннотация

Если у болезней есть смысл – если, – то значит они не только "почему", но и "зачем". В христианской философии немало ответов на оба этих вопроса.

Содержание

Религиозный смысл болезней	5
1. Возникновение болезни	11
1.1. Определение болезни	12
1.2. Онтология болезней	20
1.3. Связь физиологии, мышления и нравственности. Смысл и цель болезни	26
1.4. Врождённые особенности физического строения и физиологии	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елфимов В.А.

Религиозный смысл болезней

«Мы больны всегда»

Св.Иоанн Златоуст

Слова, взятые для эпитафии, святой учитель, разумеется, сказал о душевных болезнях. Но вряд ли есть на свете люди, которые могут сказать, что полностью здоровы, имея в виду своё телесное здоровье. Если и говорят, то не знают своих немощей. Не бывает так: сегодня человек весел и счастлив, а завтра несут его в гробу?

Цель и смысл болезни можно определять только в рамках религиозной философии. Какая цель может быть у болезни, если она имеет только «почему»? У материалистической медицины не может быть объективной цели и смысла именно болезни. Она для медицины – однозначно враг. Как это понять: болезнь не от микробов, не от отравления или переохлаждения, а ещё и для чего-то? Но христианская философия вообще есть философия цели и смысла.

Русская «классическая» религиозная философия (Соловьёв, Бердяев, Трубецкой, Франк и др.) либо просто проигнорировала этот вопрос, либо рассматривала его сугубо в материалистическом, обыденном даже смысле, фактически никак не связывая физические болезни с нравственностью. Так, Соловьёв в книге «Оправдание добра» пишет: «Никто,

кажется, не сомневается в том, что здоровье, вообще говоря, есть благо, а болезнь – зло, что первое есть норма, а второе – аномалия; нельзя даже определить, что такое здоровье, иначе как назвав его нормальным состоянием организма, а для болезни нет другого определения, как «уклонение физиологической жизни от ее нормы»». То есть в целом болезнь – это случай, зависящий только от совокупности внешних воздействий и внутренних физических и физиологических кондиций.

Учения о болезни и боли в каком-нибудь цельном виде мы не найдём ни у отцов церкви, ни у позднейших учителей и религиозных писателей (1). Тем не менее этот вопрос затрагивается часто и почти повсеместно. Очень много о различных нравственных аспектах болезней и боли говорится, например, в сочинениях св.Иоанна Златоуста, что, в общем-то, и не странно, если вспомнить об объёме литературного наследия и о разнообразии тем, на которые он в той или иной мере обращал внимание.

Проблемы телесной немощи рассматриваются христианскими авторами в основном в духовном контексте, в связи с нравственным состоянием человека. Собственно, практически всеми пороки и называются болезнями, поэтому есть, безусловно, много общего при сопоставлении душевных и телесных болезней. Иногда подход к тем и другим во многом идентичен, но нельзя говорить о том, что между ними не обнаруживаются существенные отличия. Например, телесная

болезнь (вообще как частный вид страдания) не может однозначно считаться ни злом, ни благом (2). Болеют и праведники, и преступники, как и не болеют тоже. В то же время порок (как душевная, нравственная болезнь) есть несомненное зло, как для самого «носителя», так и для общества. Здесь мы будем говорить о физических болезнях.

Рассмотрение проблем с телесным здоровьем представляет собой более разнообразное поле для философских и психологических спекуляций по сравнению с обсуждением нравственных пороков. Очевидна и безусловна связь болезней с нравственным состоянием человека, но вместе с тем есть вопросы, которые прямо с нравственностью не увязываются. Необходимо более углублённое рассмотрение косвенных, опосредованных связей, например, через учёт самых различных взаимовлияний общества и отдельного человека. Телесное здоровье человека, как это ни покажется странным, не касается только его самого, но и имеет очень значимую внешнюю составляющую. Как и почему относится общество к человеку и человек к обществу во время болезни, во многом трактуется именно с этических позиций. С этой же стороны обнаруживается немало причинно-следственных зависимостей, объясняющих и саму болезнь, и её течение, и её лечение. От нравственных связей человека и общества, от нравственного климата в обществе во многом зависят и выздоровление, и длительность лечения, и серьёзность болезни. Хотя связь эта отнюдь не прямолинейная и

однозначная. Напомним, что болеют и святые, и нравственные уроды. Правда, по разным причинам. И не болеют – тоже по разным.

Любое жизненное испытание, любое жизненное страдание имеет своей целью исправление и совершенствование человека для его же спасения. Но телесные страдания, болезни и боль различной природы, травмы – от ушибов и царапин до тяжёлых переломов – несут в себе особый воспитательный потенциал, потому что таким образом изменяется сама природа человека. Общеизвестны и наглядны случаи, когда люди после тяжёлых травм и болезней буквально преображались, меняли род занятий, отношение к миру и к людям, приобретали какие-то новые способности, о которых ранее даже и не подозревали. Бог помогает людям таким образом, прямо воздействуя на физическую природу человека и через неё воздействуя на его мышление.

То же самое имеет место и в случае любых болезней, даже самых лёгких. И нет здесь, как может показаться на первый взгляд, никакого насилия над человеческой свободой. Далеко не все исправляются во время и после болезней и травм. Далеко не все.

В принципе в научном мире известно понятие «философия здоровья», но оно всё же не совсем адекватное тому, о чём здесь будет говориться. Да, большинство больных хочет излечиться – так, во всяком случае, считается, – поэтому в освобождении от болезни есть общие аспекты, рассматрива-

емые и там, и там, хотя даже в этом есть свои нюансы. Необходимо оговориться сразу, что понятия «философия боли и болезни» мы рассматриваем в сугубо философском, богословском или психологическом значении. Мазохизм тоже, конечно, можно отнести к вопросам психологии, но их проблемы с трактовкой этого понятия нас не интересуют. Как и понятие «философия здоровья» интересно здесь с научной и познавательной целью, а не то, что вкладывают в это понятие рекламщики и некоторые целители, несколько преувеличивающие масштаб собственных рекомендаций по лечению тех или иных телесных немощей. Снобизм здесь неуместен, особенно в контексте данной работы, но всё же философия имеет другой методологический порядок, чем последовательность и набор физических упражнений или применение отваров. «Философия использования лекарственных трав» звучит не лучше, чем «философия лечения отита», и дело не в снобизме – дисциплины разные.

Рассмотрение телесных болезней христианскими отцами и учителями Церкви выглядит логичным по двум основаниям. Во-первых, они представляют собой частный вид страданий человека и в этом качестве входят в учение о страдании. Болезни составляют единый ряд с разного рода неприятностями и бедствиями, которые постигают человека для его исправления и совершенствования. Во-вторых, они имеют непосредственную связь с душевными, нравственными болезнями и даже называются одинаково. Все христианские

авторы называют наши пороки болезнями. Есть что-то безусловно методологически общее в том, как человек заражается либо душевными, либо телесными болезнями, и в том, как он ведёт себя в том и в другом случае. То есть телесные болезни в отличие от других жизненных неприятностей имеют более чёткую и конкретную нравственную основу во внутреннем мире человека. Это указание во время болезни очень адресно и очень болезненно во всех отношениях. «Самая вершина того, что считается печальным – смерть, до такой степени страшная и ужасная, не так тяжела, как телесный недуг» (3). Но лечиться вообще больно. Надо быть «безумным, чтобы быть мудрым» (4), как сказал святой апостол.

Вспомним в этой связи Иова. До его телесной болезни с ним произошли очень и очень тяжёлые и даже трагичные события. И что, как он вразумлялся? – «Бог дал, Бог взял» – позиция на самом деле не слишком далёкая от равнодушия. А как он развозмущался, когда заболел? Подумаем сами, он потерял всё своё состояние, оставшись вообще без средств к существованию, – «Бог дал, Бог взял»; он потерял детей – «Бог дал, Бог взял» (!). И тогда он заболел – сказал он о своём здоровье «Бог дал, Бог взял»? Нет, не сказал, а полездаться. Что-что, а «здоровье – моё», и даже более того – «это – святое», и в том виде, как мы это видим в книге Иова, может рассматриваться даже более святым, чем Бог...

1. Возникновение болезни

Самый обширный раздел и самый информационно-насыщенный. Хотя каждый уже болен (см. выше), и логичнее было бы поэтому больше уделить внимания вопросам излечения, учителя церкви делают акцент именно на причинах («болезнь от»), а также на смысле и цели болезни («болезнь для»). Подход на самом деле самый, что ни на есть, логичный. Гигиена и профилактика души, техника безопасности, «мойте руки перед едой».

1.1. Определение болезни

«Здоровье» относится к группе таких понятий, о которых все понимают, о чём идёт речь: свобода, счастье, красота, любовь, мораль. Но именно такие понятия представляют наибольшую сложность для формального описания, любому человеку очень непросто ответить на простой, казалось бы, вопрос: «А что это такое?». Скорее всего, интервьюируемый ответит примерно в том духе, что «красота – это когда красиво», «здоровый – это когда ничего не болит», ну, а счастье – «оно и в Африке счастье». Сразу оговоримся: искать правильные определения мы ни здесь, ни дальше не будем, потому что для начала надо было бы формализовать понятие «правильное», а спорам на эту тему тысячи лет. Можно как-то определиться или договориться, что есть «правильный» в математическом или физическом смысле, что же касается этого понятия применительно к морали, то здесь лучше бы и не пробовать. Мы здесь рассматриваем религиозный взгляд на вопрос, а в религии (как, впрочем, и в реальной, а не виртуальной жизни в целом) всё, чего не коснись, относится к морали. Поэтому религиозные «определения» – это, как правило, описания и то чаще всего очень нечёткие. Вот, простейший пример. Бог в десятизаконии говорит евреям «не убивай», а потом от Него же они получают пояснение к этой заповеди: в книгах Исход (5), Левит и в других местах при-

ведено несколько десятков преступлений, за которых человека надлежит предать смерти.

Медицину мы здесь рассматриваем с её технической стороны. Положение дел на текущий момент таково, что медицина есть узкопрофессиональная область знания и практики. Не будем требовать от медиков сверхспособностей и широкого знания всего естества человека во всём его триадном единстве. Они, в конце концов, такие же люди, как и все мы. Конечно, среди медиков есть немало целителей от Бога, и всё же даже для них главным будет стоять вопрос борьбы уже со следствием.

Вначале остановимся на нерелигиозных представлениях. И здесь и дальше при этом постараемся рассматривать только те материалистические вопросы, которые близки религиозным. Так вот, оказывается, что, даже если не касаться нравственных аспектов, определиться с понятиями «здоровье» или «болезнь» (в целом-то это один и тот же вопрос, потому что одно определяется через другое) совсем непросто. «В теоретической медицине существует более 200 определений здоровья» (6). Всегда очень интересно, как и кто занимается подобной статистикой, но цифра всё равно впечатляет. Очевидно, что любое узкое определение очень скоро войдёт в противоречие с реальностью, поэтому ни «чисто» медицинские, ни тем более чисто биологические определения болезни к человеку не подходят. По мнению философов «здоровье есть достояние исключительно человека» (7). То

есть мало болеть, надо знать, что ты болен – тогда это болезнь. Кстати, ещё и поэтому многие болезни нельзя назвать злом, потому что люди не воспринимают их как болезни. Для животного болезнь – естественна, оно не воспринимает её, как нечто внешнее; «в контексте биологических закономерностей состояния здоровья и болезни объективно неразличимы» (8).

Человек в отличие от животного есть существо, в котором индивидуальное и социальное связаны неразрывно. Поэтому и здоровье сейчас пытаются определять на двух уровнях (9). Теперь понятие «болезнь» иначе, чем через внешние факторы – приспособляемость, трудоспособность и пр. – уже и не определяется (10). Ещё в 19 веке нездоровье (то есть даже не болезнь!) определялось, как «уменьшенная способность к делу» (11). Этот социальный «функциональный» аспект здоровья имеет значение даже в семье (12).

И здесь возникает новый комплекс вопросов, связанных с тем, как человек и общество относятся к конкретной болезни. Здоровый и больной определяются друг через друга, при этом социальное и индивидуальное суждение о собственном здоровье могут разниться, причём и в ту, и в другую сторону (13). Человек может болеть по общественным критериям, но сам себя больным не считать, либо не зная о своей болезни, либо не считая её за болезнь («так, ерунда какая-то»). Человек может быть здоровым, но мнить себя больным (что, кстати, в результате может привести к болезни, но обязательно-

но). Наконец, человек может болеть и осознавать это достаточно адекватно. Кроме того, возможны нюансы типа «приболел», «докторам нельзя верить во всё», «ничего не поделаешь» и т.д. И все эти варианты приводятся в ненадёжном предположении, что нам известно, что такое «болезнь» и «здоровье».

Наконец, философами констатируется, что здоровье в индивидуальном представлении имеет вполне определённые нравственные черты. Давно отмечено, что ни благополучие, ни любые другие внешние критерии, в том числе относительно здоровья, не означают психического равновесия человека, и в этом отношении идеал здоровья для любого человека – это «быть в ладу с собой» (14), то есть без обращения к духовности человека говорить о его здоровье оказывается бессмысленным, по крайней мере на мировоззренческом уровне.

Для христианской религии мировоззрение напрямую связано с практической жизнью. Бог, Сошедший на Землю, учил нас не оторванным от жизни рассуждениям, а самой жизни. С тех пор «книжники», тем более фарисействующие, в христианстве не в чести. Учителя церкви продолжают традицию Христа и апостолов и адресуют свои сочинения всем людям, что не говорит о том, что в них мало философии. Вернее сказать, философии, как «любви к мудрости», в них, может быть, действительно немного, гораздо больше самой мудрости.

Парадоксы с отношением к болезням здесь начинаются уже на уровне определения. Святой Диадокх, епископ Фотики, 5 век от Р.Х.: «Мы же немощами называем лукавые помыслы и телесные стропотности» (15). То есть болезнь тела сама по себе даже не рассматривается за болезнь, она лишь тогда является таковой, когда связана со страстями. Можно и не болеть телом, но быть больным, и наоборот. «Потоки беззакония» (16) внутри нас – так вслед за царём Давидом называют учителя церкви наши болезни (17).

Общее мнение в христианстве с самых ранних времён: страсти и пороки называть болезнями. «Злоба есть болезнь души» (18), «зло есть недуг души» (19), «зло есть... болезнь» (20). И как, кстати, общество лечит такие болезни – это о многом говорит и о многом предупреждает. Общее у святых отцов – это отношение к любой болезни как ниспосланной или допущенной свыше. Вирус вирусом, как и прочие вполне понятные материальные причины заболеваний – их никто не отрицает, – но любая болезнь не может появиться вдруг без попущения Бога. Нет ни одной «случайной» болезни, каждая из них послана Богом (либо Он о ней знает), каждая из них имеет своей целью улучшение человека, и каждая из них не вернётся обратно напрасно (21). «Слово Мое, которое исходит из уст Моих, – оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (22). Болезнь есть одно из таких слов. Это слово произвело необходимые и достаточные

изменения в человеке, теперь от него самого зависит, как он воспользуется этой помощью свыше. Иоанн Златоуст, например, часто называет Христа Врачом. Очень часто приводятся в качестве примера лечения души поведение врачей, лечащих тело. По существу для Иоанна Златоуста это даже и не аналогии, а однотипные методы лечения.

Сами по себе болезни не рассматриваются как зло. Они подобны беззаконным народам, с которыми Бог повелел евреям жить по соседству, и которые оставлены жить в непосредственной близости с избранным народом, «чтобы искушать» (23), а также в качестве средства воспитания и наказания. Являясь средством вразумления, болезни могут служить показателем совершённого и совершаемого человеком зла или позволяют выявить злое в человеке через его отношение к себе и к миру во время болезни. Болезнь, как и бедность, и даже как смерть не есть зло сами по себе, это «мнимые бедствия» (24), потому что они призваны лечить (в том числе и окружающих), а не вредить. Однако когда лечение не идёт впрок, то все невзгоды превращаются во зло. И виновник этой трансформации – сам человек. От него зависит, будет то или иное событие, обстоятельство, действие злом или добром. Если по отношению к Богу говорится, что Ему невозможно причинить зло, что со временем всё признаётся добрым, то подобие человека с Богом состоит в том также, что он властен над злом. В человеческих силах любую ситуацию обратить на добро. В принципе для этого немно-

го и нужно: всего-то не делать из чего-либо зла, не превращать что-либо во зло, не присваивать чему-либо такой статус. Правда, здесь надо ограничиться рамками собственной жизни и лишь в очень нечастых случаях относить это правило на остальных людей. Их зло ты не можешь победить, ты можешь говорить только о собственном, так как свобода дана каждому отдельно.

Есть ещё нюанс. Мир не чёрно-белый. Если ты не можешь что-либо назвать добром, то это не значит, что это непременно зло и наоборот. Во всём есть и то, и другое – всё зависит от твоего внутреннего мира и твоего отношения к миру внешнему. И сказать, что «зла нет» ты тоже не можешь, потому что мир не свят, как и ты сам не свят тоже.

И всё же, что понимали учителя церкви под болезнями? Их определение внешне очень похоже на философское: «Болезнью мы называем всякое расстройство природы» (25), а здоровье «есть благоустройство естественных действований» (26); «болезнь – это нарушение норм деятельности организма» (27). Сравним: болезнь есть «изменения в состоянии здоровья здорового индивидуума» (28). И там, и там речь идёт о нарушении в самой природе человека, вот только понимание этой природы естественным образом обличается. Повторимся, что для отцов церкви телесная болезнь сама по себе практически не представляет интереса. «Ни какая наука не учит нас ненавидеть болезнь, – говорит Василий Великий и добавляет, – зло есть душевный недуг, а добродетель

соответствует здравью» (29). То есть все болезни тела имеют духовную причину. Вспомним, что есть подобное радикальное суждение и в наше время: «Все болезни от нервов».

Ну, и наконец ещё одно: никто не может считать человека больным, если он сам так не считает. Наше подобие с Богом – в нравственной свободе и творчестве, основанном на немотивированной любви. Никто не может меня заставить. Даже Бог, который может отнять у меня жизнь, но не свободу. Поэтому «болен тот, кто и при здоровье стонет, а не тот, для кого болезни легче всякого здоровья» (30). Поступился своей свободой, продал себя в духовное рабство – для христианства этого достаточно, чтобы назвать тебя больным. Пусть сейчас у тебя давление и пульс, как у космонавта, – это дело поправимое.

1.2. Онтология болезней

Путь человечества – от Адама к Христу. При всём их глубоко отличии именно по рассматриваемому вопросу в них обнаруживается сходство. И в изначальном раю, и в Царстве Божием болезням и смерти места нет. Их не было при Сотворении, их не будет по окончании нынешнего века. «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (31). До греха болезни не было, поэтому и не может быть болезни без греха (32). Болезни согласно христианству имеют вполне определённую онтологию, которая никак не связана ни с несовершенством мира (в смысле его незавершённости), ни с эволюцией. Сейчас «естественны болезни и смерть нашему телу, утратившему бессмертие и свойства бессмертия. До падения бессмертие было естественно нашему телу, – болезни и смерть были неестественны» (33). Сейчас болезни естественны человеку, как существу с «падшей природой» (34). Сейчас человеку всю жизнь суждена борьба между бодрым духом и немощной плотью (35).

Грех и болезни названы по существу одним словом, и определяются друг через друга. Как не может быть греха без болезни, так и не может быть болезни без греха (о врождённых заболеваниях и о грехе детей немного дальше). Человек создавался как помощник Бога, таковым он рассматривается и в Небесном Граде. Но такой помощник со «многими

помыслами» Богу не нужен. Тело, подверженное болезням и смерти, является естественной преградой между Богом и человеком, как знак, напоминающий ему о том, чтобы он и думать не смел «равнять себя с Творцом» (36). Это знамение, которое ставит человека «на землю»: ты – не Бог. Состояние физической беспомощности или как минимум ограниченности есть, таким образом, одно из средств смирения человека.

Тело человека не случайно такое, какое есть, «на теле можно видеть Промысел Божий» (37) о человеке. Не по слабости Своей Творец Вселенной создал человека с телом, которое столь уязвимо (38). Голод, жажда, холод, свет, шум, радиоволны – да любое внешнее воздействие может послужить для человека непосредственной причиной болезни, не одной, так другой. «Проклята земля» – для человека проклята. Есть прямая аналогия с проклятием Земли и проклятием природы человека. В каких-то отношениях их можно считать враждебными по отношению к человеку. Правда, необходимо уточнить: в ответ враждебными. Не случаен этот почти штамп: «природа мстит человеку». «Мстит» – это, возможно, и красиво, но неверно по существу. Природа «мстит» человеку примерно так же, как «мстит» автомобиль, если ты вместо тормоза нажмёшь на газ, или компьютер, если ты вместо «сохранить» нажмёшь «удалить». Ничего плохого в красивых метафорах нет, но только не в контексте поиска истины, когда двусмысленность может увести далеко в сто-

рону, и хорошо, если только в поэтические дебри.

Тело – тоже «мстит». «Самое тело наше – не в мире с нами: здоровое – оно враждует, подвергаясь болезни – причиняет скорбь» (39). Тело таким стало, чтобы служить ещё одним источником искушений и соблазнов. Даже здоровое тело враждует с душой. «Враждебность» тела по отношению к человеку (40) является двойственной. С одной стороны тело человека – это определённый «механизм», и, как всякое устройство, требует правильного с собой обращения. Если человек ведёт себя «небрежно» или «беспорядочно» по отношению к собственному телу, то соответственно этому и получает результат (41).

В этом месте мы видим прямое совпадение с материалистическим объяснением болезней. Наша физиология такова, что организму по объективным причинам может не хватать еды, воды и пр., причём чего-то конкретного. Найти «золотую середину» здесь не так-то просто. Животной саморегулирующей здесь и не пахнет, её, скорее всего, и нет как таковой – животные тоже могут быть крайне неводержанными и неразборчивыми в пище. То есть уже в физиологии человека заключен некий конфликтный потенциал: «не то и не столько съел или выпил» уже само по себе может привести к некоторым болезненным ощущениям – как минимум. Человек в отличие от животных наделён разумом, который, безусловно, тоже участвует в приёме «пищи» (42).

Другой стороной такой слабости тела человека является

простота воздействия на душу человека. Тело – как инструмент, как «посредник» между человеком и потусторонними силами, как добрыми, так и злыми. Можно сказать, что оно играет некоторую вспомогательную роль. Это становится понятным, если мы вспомним о том, что тело – это единственный элемент структурной триады человека, которое смертно и подлежит тлению, и имеет в этой связи свои особенности и «характеристики». Тело уже от рождения становится «заражённым болезнью», по красивому выражению Кирилла Александрийского, и при этом как бы «удобопреклонно к греху», так что и самому праведному очень непросто устоять перед соблазнами плоти (43).

Твоя неумеренность может быть очень неслучайной. Ты можешь почувствовать неприятные ощущения просто от вида, качества и количества съеденного-выпитого, но это – «болезнь роста», элемент познания мира, этот твой опыт, кстати, поможет другим людям, это своего рода «народная терапия» (или гигиена), действующая на упреждение. Но ты можешь получить те же самые ощущения и в качестве соблазна и искушения. То есть в каком-то месте ты просто не заметил, как тебе подсунули лишний кусок, или же ты сам привык «ни в чём себе не отказывать», или же решил «побаловать себя немного». И что, ты внутри себя сделал вывод о том, что переел или что-то не то съел? Нет, ты начинаешь сердиться, переживать, пить таблетки, третировать близких и проч. То есть вместо того, чтобы настроить свой внутрен-

ний мир, своё подсознание на анализ ситуации изнутри с целью познания физических и химических законов мира, а также для рационализации собственного поведения в этом направлении, ты пошёл на поводу. Есть полнота как особенность обмена веществ, склонность к полноте обусловлена природной физиологией, а есть полнота, которая объясняется простым пренебрежением к себе, к другим людям, чревоугодием, быть следствием мировоззренческой позиции: расхлябанности, не критичности, безразличия, наплевательского отношения к миру.

Но как бы то ни было, любая болезнь неслучайна. Тело, если и «механизм», то не чужой и не инородный по отношению к душе человека. Поэтому не стоит объяснять причины своих недугов только тем, что поел чего-то не того или плохо оделся в сырую погоду. Мнение святых учителей здесь однозначное: любая вредная еда может не причинить существенного ущерба для здоровья, равно как и любая же полезная пища может не пойти впрок, поскольку на всё есть «попущение Божие» (44).

Но не только для сил зла твоё тело представляет цель и средство. Вспомним пронзительный евангельский эпизод: Христос подал Иуде кусок хлеба, «и после сего куска вошёл в него сатана» (45). Испышал ли Господь Иуду? Из-за того ли в него «вошёл сатана», что Иисус Христос подал ему кусок хлеба?

Вот и так, оказывается, в жизни бывает: Бог протягива-

ет тебе руку помощи, а ты в неё плюёшь. Не Бога ты «наказал» – себя. «Иди и делай, что задумал», – на какой ещё ответ ты рассчитывал после своего плевка в руку Спасителя? Что Он будет просить, умолять тебя остановиться, одумать-ся, подумать о себе и о семье? Он сделал всё, что мог. И не говори потом, что тебе вовремя не помогли. Иуде даже и поболеть-то перед смертью не дали...

1.3. Связь физиологии, мышления и нравственности. Смысл и цель болезни

Согласно христианству человек есть тридное единство тела, души и духа. Духовное в человеке понимается не только как неравное душевному, но в некоторых отношениях эти понятия противопоставляются друг другу (46). Дух в человеке свободен, душа – нет. Когда «душа болит» или «душа страдает», то она болит и страдает вместе с телом. При этом душевные страдания либо предшествуют болезням телесным, либо наоборот следуют за ними. Ничего нет странного и в совпадении по времени душевного разлада с телесной немощью, потому что человек в такой ситуации в целом нездоров. Любая болезнь – это сбой в управлении, и поэтому есть что-то безусловно родственное между физической, психической или нравственной болезнью. Апатия, алкоголизм, трудоголизм в таком контексте оказываются такими же болезнями, как, например, хроническая ангина или нефрит.

До сих пор, как и раньше (47), вызывают удивление суждения, что душевное – это одно, а телесное – это другое. Хотя сейчас, по-видимому, уже нет медиков, которые бы отрицали связь психики и телесного здоровья больного, но с уверенностью можно говорить о том, что среди них, как и сре-

ди не медиков, немного тех, кто признавал бы наличие связи болезни тела и нравственного состояния человека. И дело даже не в том, что врачам самим очень было бы затруднительно диагностировать болезнь во всей её полноте, а в том, что отрицание важности духовного начала в человеке закладывается в современном обществе с детства. Все вокруг говорят о любви, о том, что нужно соблюдать всяческие нравственные нормы, которые в большинстве своём прямо взяты из Библии и из других великих книг человечества, но при этом «зачем» описывается как-то очень туманно. Создаётся впечатление, что такое воспитание носит по большей части традиционный и формалистический характер, а сами нравственные нормы рассматриваются как элемент поддержания порядка в обществе. То есть по-прежнему исподволь и неявно люди разумеют договорной характер появления и существования этих норм. Мораль просто регулирует социальную жизнь.

А любишь ты, или нет – это совсем неважно. Из-за этого не вешаются и тем более не убивают других. Но при этом каждый для себя лично осознаёт, как важно и хорошо любить и быть любимым. Как важно не быть в конфликте с самим собой. Как это естественно – радоваться не только своим радостям, но и счастьем других. Но кто радуется и грустит, любит и ненавидит: неужели не тот же самый человек, который болеет или нет? Что, казалось бы, естественней, чем признать, что душа связана с телом, и они не могут не вли-

ять друг на друга?

Странная у нас «нравственность»...

Для христианства, конечно же, это самая обычная и логичная вещь: «душа... принимает участие во всем, что касается тела» (48). В Библии все заповеди, касающиеся человеческого общежития, можно рассматривать аллегорически, в том числе применительно к одному человеку. Например, жить в апатии и тоске – это значит убивать самого себя, блуд так и вовсе в абсолютном большинстве случаев и не рассматривается иначе, как «прелюбодеяние души». Более того, учителями церкви прямо указывалось на то, что грехи пагубны сами по себе именно для тела, что страсти сами по себе вызывают телесные расстройства, потому что вообще неестественны (49). Об этом же говорит и современный православный врач, считающий, что грех «влечёт за собой невротическое расстройство» (50), от которого и до телесных немощей рукой подать. То есть природе нашей свыше установлены пределы, дальше которых – почти неизбежная болезнь (51), и пределы эти касаются не только физиологии.

Алчность, мамманизм в Библии прямо саналогизированы с тяжелой болезнью (52). Забота о прибытках, то есть не простой интерес, а беспокойство, связанное с отсутствием равновесия, уже есть нравственное поражение. Ещё одно: и тело, и душа относятся к человеку, они не противопоставлены друг другу, поэтому нет ничего странного или натянутого в том, что Библия часто сравнивает «процессы» в обеих «сфе-

рах». Ошибочно и даже аморально приоритетное выделение какой-либо одной стороны человеческого естества, что часто имеет место у сектантов или фанатичных аскетов – с одной стороны, у гедонистов и маммонистов – с другой.

Так, скажем, теоретически это правильно, и мы всё это слышали тысячу раз. Но в жизни – то всё не так: «Разбойничают юноши самого превосходного здоровья, а кто не мог оскорбить кого-либо и словом, тот подвергается разного рода жестоким болезням; ранняя смерть уносит полезных для человечества детей, а кому, казалось бы, не следовало и родиться, тот живет сверх меры долго» (53).

Стонам и плачам этим тоже не одно тысячелетие, и для Библии они не редкость (см., например, книги Иова и Екклесиаста). О том, почему и зачем люди болеют или не болеют по одним и тем же, казалось бы, причинам разговор будет ниже, здесь только ещё раз скажем об основополагающей норме христианства: существует несомненная связь телесных и нравственных болезней. Что же касается тех «разбойных юношей самого превосходного здоровья», то кратко скажем, что для них было бы лучше, если бы они заболели. Да, в их естестве тоже заложен тот предел сопротивляемости, о котором говорилось выше, но не болеют они телесно потому, что Бог наказал их хорошим здоровьем. Он может добавить сил и сверх того, что заложено было от рождения, но вот не всегда этому следует радоваться.

Достаточно исчерпывающе и даже изящно ответил на эти

«вопли о мировой несправедливости» ещё в 4 веке святой Иоанн Златоуст: «Если какой-нибудь праведник сделает нечто злое и заболевает, подвергнется наказанию, то не смущайся, а скажи: этот праведник сделал когда-нибудь небольшое зло и получает должное здесь, чтобы не быть наказанным там. Равным образом, если увидишь, что грешник похищает, обманывает, делает тысячи зол и, несмотря на то, благоденствует, точно также не смущайся, а скажи: этот грешник, делающий тысячи зол, когда-нибудь сделал нечто доброе и получает за это блага здесь, чтобы не требовать награды там» (54). О там надо всегда помнить, пытаясь оценивать «благополучие» одних и «бедствия» других.

Кстати, «здоровье» богатых часто обеспечивается суммами, которые они тратят на его поддержание. Возможность платить большие деньги за медобслуживание – это элементарное перераспределение доходов, фармацевтика и медицина – это тоже мощный бизнес. А потом возможность с помощью денег поддерживать своё здоровье (как будто оно хромает, неустойчиво и ненадежно) ещё не есть здоровье. Да и болеют люди при деньгах, при славе, при власти, вероятно, не настолько меньше простых грешных. Сам по себе факт обращения к врачам согласно Библии уже не есть хорошо. «Кто согрешает пред Сотворившим его, да впадет в руки врача!» (55) – звучит как приговор.

Для состоявшейся, сотворённой (а не творимой и поныне) Вселенной любые болезни, как и все события, случайны. Нет

ни почему, ни зачем. Порезал палец – нож сорвался, температура – ноги промочил или «вирус подцепил», сердцехватило – перенервничал. Но как это всё может быть, зачем? О «зачем» лучше и не спрашивать. Но и с «почему» тоже всё как-то странно выходит. Вообще с абсолютным предопределением всё как-то «странно». Эта полная бессмысленность жизни сама по себе представляется абсурдной.

Но если смысл есть вообще, то, видимо, и болезни, и боль небессмысленны тоже? То есть они не только из-за чего-то, но и для чего-то? «Если» Бог управляет миром, то иначе и быть не может. Господь есть Бог сил (56), и потеря сил как физических, так и душевных – это болезнь, имеющая своими причинами повреждения в нравственности.

Однако болеют и животные, и растения. В чём тут-то смысл? Почему природа болезней для человека должна отличаться от болезней всего остального мира? Потому же, почему человеку даны разум и нравственное чувство. Да, лекарства логично испытывать на животных, потому что есть общие закономерности в функционировании органов разных живых существ. Но, вот, человек – это не «двуногое животное», поэтому в лечении любой болезни человека – от насморка до чумы и СПИДа – должен, кроме специалиста, участвовать и психолог. А ещё лучше – профессиональный священник. Но лучше всего, если сам человек научится понимать, что причина его недуга не только в физиологии и вирусах. Прежде исповеди у священника нужна исповедь пе-

ред самым собой. Иисус не прописывал лекарств тем людям, которых исцелял, — но вспомним, что излечение находится внутри самого больного, не всех даже и Христос вылечивал, дивясь глубине неверия таких.

Почему человек простужается, сидя дома, хотя в другое время «выходит сухим из воды» в мороз, дождь, ветер? Почему печень, желудок, лимфатическая система работают то нормально, то не так, как надо? Не одной ли природы беспечность человека, вышедшего в слякоть без плаща и кепки, с рассеянностью и некритичностью в мышлении?

Что первично и что вторично: изъян в мышлении или дефектность в управлении организмом или изменения возникают синхронно, почти одновременно? Думается, что «первенство» следует отдать мышлению, разуму. Так, во всяком случае, считает Библия. Почему возникает рецидив давно залеченной болезни? Почему вдруг почка, несколько лет не дающая повода о ней помнить, требует к себе постоянного внимания, чтобы потом опять замереть на неопределенное время? Именно, что на неопределенное. Не прослеживается никакой цикличности в приступах боли или заболеваниях верхних дыхательных — что-то другое, нежели только внешние воздействия, влияет на сопротивляемость организма. Нежелание жить, возможно? Не права ли тогда реклама, которая говорит о «некогда болеть» в том отношении, что энергичному, целеустремленному человеку не нужно болеть? Это может быть и верно, если подразумевается, что

речь идёт о гармоничном и нравственно сбалансированном человеке. Но на самом деле эта реклама не права в принципе, так в основе этого лозунга положен принцип «успех любой ценой».

Боль животного и человека — это не одно и то же даже физиологически. Для человека в боли и болезни едва ли не главный вопрос: «за что?». Это не только информация о сбое управления. Боль — это ещё и вопрос со скрытым ответом. Если отнестись к боли серьёзно, она способна навести мышление на целый ряд аллегорических преобразований. Надо только сразу убрать мысли о несправедливости, случайности, неосторожности. Вся система управления человека связана с разумом и духом. Боль болит ещё и потому, что ты разрешаешь ей болеть. Оптимальным, по-видимому, можно было бы считать такое к ней отношение, когда её сила только показывает наличие сбоя, повреждения и работу организма по нормализации положения. То есть осознаваемая, принимаемая сила боли не должна превышать некоторого индивидуального порогового уровня, за которым уже невозможна адекватная работа сознания и психики.

Боль в таком аспекте похожа, например, на шум, музыку, свет. Их интенсивность не должна мешать, а в идеале должна бы способствовать работе мысли, сопровождать её. Правда, последнее возможно, когда есть возможность выбора. Когда же очень затруднительно увеличить/уменьшить яркость света, громкость музыки, какофоническую дисгармонию шума,

то умение мозга должно было бы заключаться в том, чтобы ограничиваться восприятием внешнего воздействия как такового при сохранении некоторого контрольного ресурса для экстренного реагирования. В остальном же эти воздействия не должны вмешиваться в конструктивную работу мозга – если, конечно, таковая в настоящее время имеет место быть, или на которую надеются и/или настраиваются. Кроме некоторого образа медитативных навыков важно то, чем собираются занять мозг. «Думать ни о чём» – для этого никакой шум не помеха.

Что-то подобное можно сказать и о боли. Есть достойная альтернатива думам о боли – боль отступит. А поскольку эта боль – твоя, то она должна помочь, послужить отправной точкой рассуждений и сопровождать их.

Есть в затрагиваемой теме (болезнь и отношение к ней) вполне определённый мистический аспект, в основе которого отношение к болезни как явлению не столько материального, сколько духовного мира. Иов знал, что он заболел не случайно, как и (будущий) апостол Павел знал, что его хроническая болезнь – не от плохой генетики и не от того, что кто-то неосторожно чихнул рядом с ним. Да и не только такие знаковые библейские персонажи относились к здоровью и смерти с религиозной позиции. Человеческая триада едина, и поэтому физическую боль нельзя лечить только с помощью механических по сути своей технологий. И если медик не уделяет должного внимания психологической и духовной

стороне лечения или и вовсе отрицает их значимость, то, хотя он и хороший специалист, то, возможно, только как хороший механик или патологоанатом, и тогда его место не в клинике, а в автомастерской или в морге.

Психические изменения (в том числе возрастные) человека связаны с сознанием и нравственностью, с интересом человека к жизни и его заслугами – перед человечеством! Тогда болезни и травмы могут быть совсем неслучайными: кроме того, что они сами по себе являются испытанием, последствия травм могут быть не менее важными, так как приводят к изменению мышления.

По религиозным воззрениям можно выделить несколько аспектов травм и болезней: 1. Они заслужены по нравственным критериям, человек получает их в качестве меры воздействия, это сигнал о том, что ему необходимо пострадать за что-то. При этом уровень заболевания или травмы может косвенно говорить о тяжести «преступления». Иногда зависимость очень наглядна, например, болезни из-за пьянства или курения. 2. Травма может иметь внешний аспект, уход за больным человеком – это не столько напоминание самому больному, сколько его близким. Положение очень характерное в случае болезни детей. 3. Травма необходима для перехода человека на другой уровень мышления. Хуже-лучше – не об этом речь, одна и та же травма для разных людей имеет неодинаковый смысл, мы говорим об изменении мышления в принципе; одних болезнь исправляет, другие

становятся нытиками, третьи превращают свои недуги в бизнес (заставляя работать на себя других). Можно для наглядности прокомментировать это положение с помощью хиромантии: травма приносит разрыв. Например, простой порез может изменить «линию судьбы». 4. Травмы и болезни выступают в качестве искусственных ограничителей. Человек по физическим кондициям, по крайней мере, временно не сможет совершить столько негативных проступков и просто технических ошибок, сколько совершил бы, будь он здоров. Вместе с тем ограничение в деятельности всегда локально, есть очень много сфер применения своих талантов при любой болезни. Есть и другие внешние и внутренние причины и цели болезней.

Болезнь, таким образом, – явление очень многоплановое и масштабное. В ней переплелись и социальные, и индивидуалистические доминанты. В целом мы всегда должны иметь в виду, что нет личных болезней, любой недуг имеет и индивидуальный, и социальный смысл. Чего больше в конкретной болезни – ответ на этот вопрос, как представляется, принципиально недоступен для человека – если, разумеется, Бог управляет миром.

Шрамы в душе, как и рубцы на теле, не рассасываются. События кажутся незначительными, а обиды пустыми, но шрам остался. Видимо, только преображение способно полностью изменить душу – как и тело. Шрам – кусочек чуждой, неродной плоти, бывшей когда-то твоей. Это неполно-

ценный участок связи между здоровыми частями тела. Это глухое напоминание о собственной ущербности, о былой когда-то вспышке негатива, о кризисе веры и терпения, оптимизма и самоуважения.

Почему так: болезнь плоти вызывает сочувствие со стороны близких (которое часто сопряжено с чувством вины), страдания души – скорее всего, неприязнь с их стороны? Страдающий плотью перестает грешить, страдание души почти всегда от порочности. Здесь много самостного, гнилого, застойного. Страдания плоти дают пример того, как надо страдать душой. Не нужно выносить собственную боль на всеобщее обозрение, не нужно обвинять других. К врачам нужно попытаться отнестись с благодарностью. Даже если врач ошибся, он хотел, чтобы ты выздоровел.

Фромм прав: чувство вины неустранимо. Это рубец на душе, с которым вполне можно жить, но который нет-нет, да напомнит о себе, потому что чужое. Но и без него уже нельзя, это граница перехода одновременно и между прошлым и настоящим, и между настоящим и настоящим. В душе каждого человека полно травматических спаек. И как кровяной поток, натыкаясь вдруг на преграду, поворачивает в сторону, как бы вспомнив что-то, так и мысль вдруг упирается во что-то, бывшее родным и знакомым. Чаше всего эта преграда по привычке обходится, но в тяжелые минуты нездоровья эта искусственная спайка становится особенно неуступчивой, напоминает о себе, требует лишить её статуса изгоя,

просится обратно, хоть и знает, что это невозможно.

Мы живем очень многими жизнями, и в каждой из них кровь-душа постоянно соприкасается с потерянным навсегда, память каждый раз сжимает некогда свободный проход. Душа человека едина, как и его тело. На каждый вздох, на каждый шаг, на каждый порыв души влияет допущенная когда-то неосторожность, небрежность. В каждом слове, каждой мысли и в каждой улыбке есть шрамы прошлых обид, беспечности и страдания.

Нужны ли человеку эти знаки? А нужны ли были пощечины Иову или Павлу?

1.4. Врождённые особенности физического строения и физиологии

В практическом преломлении на отдельно взятого человека предопределение носит название «предназначение». Мир управляется Богом, и Он прямо и косвенно – через родителей – участвует в рождении каждого человека. Природные данные каждого человека уникальны, и они прямо увязаны с местом, временем и ситуативными обстоятельствами. Человек рождается таким, каким должен родиться «здесь-и-сейчас». Каждый человек в этом отношении является проектом, и он обязательно предназначен своим природным набором для выполнения каких-то жизненных целей и осуществления смысла. Тело в этом смысле – одно из средств их достижения.

Одно необходимое замечание: мы не говорим о корреляции физиологии и нравственности – в этом и заключается расизм – мы говорим лишь о связи физиологии и мышления. И там, и там (функционирование организма и поведение человека) в логике управления есть свои особенности и врожденные недостатки. Говоря о недостатках, мы не имеем в виду априорную ошибочность, а именно недостаточность как неполноту использования всех возможных потенций совершенного Адама отдельным представителем этого все-человека. Каждый человек в идеале может научиться всему,

чему угодно, что не только умеют, но и могли бы уметь другие люди. То же касается и еды, и продолжительности жизни, и силы, и сопротивляемости, и Бог знает, чего ещё. На практике мы имеем не только разных по физиологии, но и разных по способам мышления (не путать с талантливостью и гениальностью!) людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.